

Низамова Л.Р.

Социальная дифференциация в современной России: от неклассового состояния к постклассовому?

Еще недавно, в конце 1980-х годов, казалось, что интерес к такой теме как социально-классовая структура снизился до нулевой отметки и ушел в прошлое безвозвратно, но новейшие публикации свидетельствуют, что эта область социологического знания сегодня вновь среди наиболее актуальных и волнующих. Некоторое смятение, вызванное критикой традиционной формулы дифференциации советского общества и переходным состоянием российского общества, выглядит удивительным и малообъяснимым теперь, когда поток статей об общих контурах социального расслоения и группирования, о ведущих критериях социального членения, о предпринимательстве, среднем классе, фермерстве, политической и экономической элите нарастает с небывалой быстротой. С удовлетворением можно отметить, что отретпетированное единодушие оценок и мнений, единообразие проблематики, заданность теоретических подходов ушли в прошлое. Однако, тот факт, что исследователи приходят к диаметрально противоположным заключениям, подтверждает своевременность обсуждения вопросов методологии, теоретической интерпретации и методов анализа, значимость теоретико-методологического поиска.

В самом деле, в интеллектуальном поле одновременно сосуществуют противоположные и контрастные суждения: одни исследователи отмечают, что система социальной стратификации претерпевает кардинальную трансформацию, но другие, напротив, полагают, что основы социальной структуры, сколь бы ни были серьезными экономические, политические, идеологические перемены, не затронуты. "Оптимисты" пишут о становлении среднего класса в России в ходе рыночных реформ, а "осмотрительные" видят в подобном утверждении скорее благое пожелание, чем реальный процесс. Подавляющее большинство убеждено, что в условиях модернизации происходит

формирование экономических классов, но некоторые ученые считают, что пришло время говорить о "конце" классов в России.

По-прежнему во многом открытым остается вопрос о теоретико-методологических основаниях изучения и интерпретации социально-классового неравенства в России, фундаментом доминирующей отечественной традиции является марксистская мысль — теория социальных классов и классовой борьбы К.Маркса (если оставить в стороне ортодоксальные и идеологизированные версии и трактовки классика: идею бесклассового общества в условиях "зрелого социализма", становления социальной однородности и т. п.). Очевидная дифференциация и поляризация населения по объему властных полномочий, владению и распоряжению собственностью, престижу, уровню и качеству жизни и усиление конфликтности общества кажутся некоторым исследователям достаточным основанием, чтобы снова обратить свой взор к К.Марксу и в прошлое. С трудом поддается рациональному объяснению тот факт, что в случае с марксовской концепцией социальной стратификации вообще, как правило, не ставится трудный вопрос об уместности трансляции социального знания, о его адекватности российской практике и менталитету.

Совершенно необоснованно — ив этом изрядное влияние стереотипов и схем советского обществоведения — идея социальных классов и экономической стратификации приписывается исключительно К.Марксу. Очень часто из поля зрения специалистов выпадает концепция социальной стратификации немецкого историка и социолога М.Вебера, ставшая классикой социологии. Категория класса является ключевой в условиях рыночного хозяйства, наряду с партиями и статусными группами. 'Классовая ситуация' есть по существу 'рыночная ситуация', — пишет М.Вебер¹. Подробное описание веберовской социологии господства не входит в наши задачи, но было бы уместным подчеркнуть огромное значение данной им трактовки "социального порядка", статуса и стиля жизни.

Рассмотрение проблем социальной дифференциации российского общества в контексте культурных исследований по-новому высвечивает понятия статуса и культурного стиля. М.Вебер отмечает: "Статусная группа — та вещь, которая может помешать полному осуществлению рыночных принципов"; "в противоположность чисто экономически детерминированной 'классовой ситуации' мы понимаем

под 'статусной ситуацией' любой типичный компонент жизненной судьбы людей, который детерминирован специфическим, позитивным или негативным социальным оцениванием почести". "По содержанию статусную почесть можно выразить следующим образом: это специфический стиль жизни, который ожидается от тех, кто высказывает желание принадлежать к данному кругу людей". Решающая роль "стиля жизни в статусных 'почестях' означает, что статусные группы выступают специфическими носителями всякого рода 'условностей'². М.Вебер отмечает, что в отличие от классов статусные группы аморфны и являются нормальными сообществами, т. е. существуют не только "на бумаге",

К.Маркс и М.Вебер как основоположники классового анализа в социологии и сегодня имеют своих последователей, однако веберовская концепция статуса привлекает внимание представителей обеих традиций, понятие стиля жизни, гармонично вплетаясь в "ткань" новейших культурных исследований и дискуссию о приходе постсовременности, занимает центральное место в социологическом анализе. Современная трактовка стиля жизни, вне всякого сомнения, отличается от классической. В последней трети XX века "стиль жизни" приобретает дополнительные смыслы и означает индивидуальность, самовыражение, разрушение строгих правил и появление широких возможностей для выбора и стилизации³. Представление о социальном классе не отменяется, не вычеркивается, не вытесняется на периферию социологического дискурса, но переформулируется, критически переосмысливается в изменившейся социокультурной ситуации. Убедительным доказательством тому может служить версия П.Бурдьё о социальном пространстве и генезисе классов.

Статус как ключевая объяснительная концепция в социальной стратификации получает весьма широкую и емкую интерпретацию. По мнению известного британского социолога Б.Тернера, статус может рассматриваться, во-первых, как легально-политическое понятие, отражающее факт появления современного государства в отношении к гражданскому обществу. Во-вторых, — как культурное измерение социальной стратификации, как стиль жизни, т. е. совокупность культурных практик, которые выражаются в языке, стиле одежды, манерах поведения и т. д. В завершение картины стратификации в нее вводится, следуя марксистской традиции, экономический класс как относи-

тельно независимый параметр. Классовые различия обусловлены неравенством в доходах, в обладании богатством и другими материальными благами (такими, как пенсии, схемы страхования, налоговые льготы)⁴. Все три измерения, по Б.Тернеру, взаимосвязаны. Так, например, культурный стиль жизни в немалой степени определяется экономической классовой позицией и гражданскими правами индивида. И вместе с тем, гражданство, класс и стиль жизни обладают автономией и не могут быть сведены к какому-либо одному причинному фактору⁵. Аналогичное неприятие редукционизма демонстрирует П.Бурдьё, когда критически разбирает марксистскую теорию классов: "...марксистская теория приговорила себя к определению социальной позиции по отношению к одной лишь позиции в экономических отношениях производства, и игнорирования позиций, занимаемых в различных полях и субполях, в частности, в отношениях культурного производства, так же, как и во всех оппозициях, структурирующих социальное поле и несводимых к оппозиции между собственниками и несобственниками средств экономического производства"⁶.

Концепция социального пространства и классов П.Бурдьё обратила на себя внимание многих российских исследователей и сейчас используется при освещении отечественной экономической, политической, культурной практики и толковании процессов трансформации социально-классового расслоения. Факторов успеха подхода П.Бурдьё — множество, и они весьма разноречивы. С одной стороны, привлекает узнаваемая лексика: "физическое и социальное пространство", "позиции", "дистанции", "экономический капитал" и "классы" и др., — лексика, которая, как кажется, вполне соответствует устоявшимся и признанным в социологии традициям, прежде всего марксистской, свидетельствует о сохранении преемственности социального знания, не заражена обезоруживающим скептицизмом и разрушительным отрицанием, не несет пугающих разоблачений. Это успокаивает сторонников традиционной "марксистской" методологии изучения социальной группировки и перегруппировки в России, которые рассматривают ее как экономическую в своей основе и классовую в сущности. При этом не получает должной оценки то обстоятельство, что П.Бурдьё предлагает очень широкую трактовку социальных классов, выделяя их не в системе производственных отношений, а по отношению к условиям существования в целом. Справедливо отмечается, что

П.Бурдые использует "класс" как общее наименование социальных групп, различающихся по условиям их существования и их диспозициям, что агрегаты, выделенные им, есть не что иное, как "статусные группы"⁷. И действительно, П.Бурдые пишет: "Социальное пространство и различия, которые проявляются в нем "спонтанно", стремятся функционировать символически как пространство стилей жизни или как ансамбль Stande", групп, характеризующихся различным стилем жизни"⁸,

С другой стороны, специалистов притягивает своеобразие понятийного аппарата, новизна теоретической интерпретации, усложненность и многозначность трактовки. Во-первых, простые и ясные решения теперь уже не кажутся истинными и безупречными. Выделение в социальном пространстве культурного, символического, социального полей и форм капитала наряду с экономическим и политическим усложняет картину социальной дифференциации, но вместе с этим позволяет точнее разметить "карту социального расслоения" с учетом распределения различных форм капитала. Так, например, если принимать в расчет распределение только экономических ресурсов (владение собственностью, размер доходов, наличие материальных привилегий и льгот), то подавляющая часть интеллигенции или специалистов, занятых умственным трудом высокой квалификации, должна быть отнесена не столько к средним классам, сколько к низшим слоям населения, занимающим позиции более низкие, чем отдельные отряды рабочих. При этом за рамками обсуждения оказываются такие социальные ресурсы, как культурный, символический, социальный капиталы, имеющиеся в распоряжении профессионалов. Сегодня работающих по найму у государства профессионалов все реже относят к интеллигенции и все чаще называют просто "бюджетниками", но образование, языковая компетенция, ученые звания, интеллектуальные квалификация и мастерство являются тем ресурсом, который уже имеет рыночную стоимость и может в условиях рыночного хозяйства обеспечить "жизненные шансы" специалистов (врачей, преподавателей, юристов и др.) на достойном (как правило, среднем) уровне.

Во-вторых, стратегия анализа социальных отношений и связей, избранная П.Бурдые в противоположность рассмотрению агрегатов и

⁷ Stand, мн. Stande — сословие или звание (нем.) — прим. перев. П.Бурдые.

маркировке их границ, в настоящее время, как никогда раньше, должна быть близка российскому социологу. Сейчас все чаще признается, что большинство социальных образований отличается нечеткостью, расплывчатостью, "смазанностью" социальных границ; наблюдается наложение и взаимная переходность; вновь возникающие социальные группы и классы фрагментарны, отсутствует их внутреннее единство⁹. Когда общество претерпевает кардинальные перемены и находится на перепутье, когда процесс реформирования растягивается во времени и становится перманентным и хроническим, представление о классах как процессе является более уместным и адекватным реальной социальной практике. Перенесение фокуса социального исследования на динамику формирования новых социальных групп, на ход борьбы, конкуренции и противостояния интересов отвечает устремлениям российского социологического сообщества.

В-третьих, различие П.Бурдьё реального класса как действующей и мобилизованной группы людей и "класса на бумаге", сконструированного учеными, перекликается с веберовским разделением классов как "возможной основы совместных действий" и статусных групп, являющихся "нормальными сообществами". Это различие поощряет поиск "нормальных сообществ" в российском обществе, исследование вопросов классового и группового сознания, проблем современной культуры и идентичности. Действительно, являются ли "новые российские классы" реальными, или они сконструированы?

Наконец, концепция социального пространства и "классов" П.Бурдьё интересна тем, что она вводит нас в весьма оживленную на Западе дискуссию о современности и иностовременности, о соотношении экономических и культурных факторов социального изменения, о "конце класса".

На первый взгляд, темы, вокруг которых строится полемика, не являются актуальными для России, для которой модернистский проект не есть прошлое. Он не только не исчерпан и не завершен, но во многом — день сегодняшней. Следовательно, можно ли утверждать, что в российском обществе происходит распад традиционных социальных форм индустриального общества, распад социальных классов и слоев? Возможна ли де-традиционализация стилей жизни на фоне усиления национализма, клановости, значимости религиозного фактора, экономической привязанности к семье, роду, в условиях возраста-

ния ценности социального капитала? А были ли классы? На наш взгляд, система расслоения советского общества не была классовой; имеются достаточно убедительные аргументы в подтверждение этой позиции. С учетом сказанного, как может быть понят переход от неклассовой дифференциации к постклассовой? Имеет ли вообще смысл идея, которую, намеренно упрощая и перетолковывая, можно выразить следующими словами: "социальных классов в советской России не было, но они исчезают"?

Каким бы нелепым и бессмысленным не казался этот вопрос, он в предельно заостренной форме выражает некоторые теоретические и методологические затруднения, с которыми специалисты столкнулись, но во многом еще не осознали и не сформулировали. Не безынтересно отметить, что инициаторами поиска альтернативных способов исследования социальной структуры являются ученые, занимающиеся культурными исследованиями. Пожалуй, одним из первых в российском академическом сообществе эту позицию представил Л.Г.Ионин в докладе "Культура и социальная структура" на международном теоретическом семинаре "Современные социологические теории и подходы. Диалог между Россией и Западом" (декабрь 1995 г.). Если рассмотрение социальной структуры и стратификации в контексте перехода к рыночной экономике, многоукладному хозяйству и в условиях формирования гражданского общества, т. е. в экономическом и политическом измерениях получило широкое признание, то анализ культурного контекста и содержания текущих социально-классовых процессов — несомненно непроторенный путь и не укоренившаяся пока стратегия исследования и интерпретации.

Л.Г.Ионин предпринял во многом удачную попытку наметить контуры альтернативного способа освещения проблем социальной структуры, при котором культура играет активную роль в конструировании классового и слоевого различия. Этот подход придает дискуссии по проблемам социально-классовой стратификации и неравенства в российском обществе неожиданное направление — на обсуждение выносятся вопросы о "необходимости коренного переопределения понятия социального пространства", о "распаде социальных классов и слоев, соответствующих прежним иерархическим социоструктурным моделям", о "плюрализации жизненных и культурных форм" и исчезновении социальной стратификации¹⁰. Эти приводящие в за-

мешательство и даже шокирующие идеи идут вразрез с лейтмотивом большей части публикаций последних лет, посвященных становлению новой вертикальной системы стратификации и формированию экономических классов в условиях модернизации. По мнению Л.Г.Ионина, идеи о "конце социального класса" и усиливающейся культурной фрагментации, сформулированные учеными благополучных западных стран, лишь на первый взгляд не имеют никакого отношения к российской действительности. При всей несхожести исторических, социальных и культурных обстоятельств и несовпадении причин результаты оказываются по большей части сходными: "...Россия в результате начавшихся в 1985 году медленно и мучительно развивавшихся реформ, перешедших впоследствии в революционные по масштабам и стилю изменения, отнюдь не вернулась в свое собственное, досоветское, или буржуазное, характерное для середины века, прошлое, а естественным образом перешла в характерное для современных западных стран "постклассовое" состояние". В самом деле, может наблюдаться сегодня "нечеткость" и "смазанность" социально-классовых границ, противоречивость и неоднозначность классовых позиций, "декомпозиция социальной структуры" — не есть просто временное состояние изменяющегося общества, а убедительное свидетельство эрозии вертикальных классовых иерархий? Л.Г.Ионин выявляет теряющуюся в картине видимого хаоса и разложения логику перемен, заключающуюся в переходе от моностилистической к полистилистической культуре¹², к плюрализации жизненных и культурных форм, в возникновении "новой структурной организации, основанной не на вертикальном, а на горизонтальном членении"¹³.

Неизбежно возникает целая серия вопросов, которые автор сводит в дилемму: "являются ли жизненные и культурные стили действительно "свободно парящими формами" или они "скоординированы с определенными позициями в социальной структуре?"¹³. Первый вариант ответа подразумевает, что более не существует структурного и наследуемого неравенства, теперь неравенство видится как "другое", "непохожее", "неодинаковое". "Мы автоматически лишаемся оснований для разговора о социальном неравенстве как социальной проблеме, ибо рассыпаются в прах универсальные вертикальные классификации..."¹⁴. Социальное неравенство остается, но оно депроблематизируется и плюрализируется. Если признается социально не заданное

существование стилей жизни, приходится отказаться от понятия социальной стратификации, — делает вывод Л.Г.Ионин.

Если избрать второй вариант объяснения, то "классовое и слоевое членение общества не исчезает, не растворяется в культуре, но культура играет роль активного медиума, созидающего, лепящего, так сказать, классово-слоевые идентификации"¹⁵, стиль жизни коррелирует, обуславливается социальной позицией индивида в традиционной вертикальной иерархии. М.Вебер также отмечал, что собственность не всегда признается в качестве статусной характеристики и основания культурного стиля, но тем не менее с удивительной регулярностью она проявляет себя таковой¹⁶.

Хотя второе решение не столь радикальное и блистательное, как первое, оно, на наш взгляд, верно "схватывает" противоречивую картину социального неравенства в постсоветской России. В ней парадоксальным образом сосуществуют, переплетаясь и накладываясь друг на друга, с одной стороны, процессы трансформации системы вертикальных иерархий и формирования новых экономических классов и, с другой стороны, усиливающейся культурной и стилевой дифференциации и фрагментации.

Тезисы о "конце социальных классов", "конце стратификации", сформулированные впервые учеными развитых индустриальных стран, были отражением того несомненного факта, что в период после второй мировой войны был достигнут качественно новый уровень материального благосостояния населения, экономической продуктивности, жизненных стандартов. Потребительство и потребительская культура становятся наиболее важным и увлекательным предметом обсуждения. В связи с этим, изучение отношений производства и доминирования, распределения собственности, классовой стратификации дополняются и даже несколько оттесняются в сторону исследованиями статуса, стилей жизни, отношений потребления, потребительских вкусов и предпочтений. Индивидуализация стиля жизни и расширение спектра культурных и социальных практик в России происходит в иной экономической ситуации — в условиях падения объемов производства, увеличения экспорта зарубежных товаров, снижения уровня и качества жизни населения, следовательно, является вынужденной по своему характеру и служит адаптации и выживанию в новой социокультурной среде. Однако, развитие рыночной экономики в

современном российском обществе происходит на фоне воспроизводства старой редиистрибутивной (перераспределительной) системы хозяйства, в которой главной осью являются не производственные отношения и рынок труда, но сфера распределения и потребления. Таким образом, дифференцирующими факторами являются как отношения собственности и доминирования, так и потребительское поведение индивидов.

Разбирая взаимосвязь классового и статусного неравенства, М.Вебер обнаружил, что в относительно стабильных экономических условиях на первый план выдвигается статусная дифференциация, возрастает роль социального уважения и престижа, но любые технологические изменения и экономические преобразования усиливают значение классовой стратификации. Если спроецировать данную закономерность на ситуацию в постсоветской России, то окажется, что обе тенденции параллельно дают о себе знать в условиях "реформистского застоя" — весьма неспешного осуществления социальных реформ.

Теоретические обобщения и предположения, сделанные в данной сугубо аналитической работе, могут быть усилены и уточнены благодаря конкретно-социологической проверке. Характерные сдвиги в общественном разделении труда и профессиональной структуре, сегментация рынка труда и возникновение феномена "вторичной" и даже множественной занятости, динамика социальной мобильности, усиление рефлексивности, умножение выборов, имеющих в распоряжении индивида, поиск идентичности имеют эмпирическое подтверждение.

Дискуссия о новых основаниях социальной дифференциации, о смене вертикальной структурной организации на горизонтальную в российском социологическом сообществе еще только начинает разворачиваться, а значит многие проблемы и теоретические затруднения даже не обозначены. На наш взгляд, заслуживает специального изучения вопрос о границах (пределах) плюрализации стилей жизни и культурных форм в условиях углубляющейся поляризации населения по уровню и качеству жизни и увеличения социальной дистанции между богатством и бедностью; о территориальной, этнической, религиозной и других детерминантах культурной стилизации. Л.Г.Ионин соглашается с немецким социологом Х.-П.Мюллером в том, что неотъемлемым свойством стилизации является "добровольность" и наличие

"свободного выбора" (и даже некоторого спектра выборов). Однако, это признак, отсутствие которого болезненно ощущается многими россиянами в социальной практике, в разной степени представителями тех или иных социально-классовых, демографических, этнических, территориальных и профессиональных групп.

Ученые признают, что самые высокие возможности и, одновременно, амбиции, устремления имеют представители среднего класса и средних слоев, в особенности "нового среднего класса". Однако, специалисты и "профессионалы" (работники умственного труда) испытывают сегодня серьезные перегрузки и находятся в жестких социальных тисках. Обесценивание культурного капитала, низкие доходы "профессионалов"-бюджетников, рост безработицы среди женщин-специалистов, внутренняя "утечка мозгов" и нестабильность занятости в негосударственном секторе не позволяют спешить с выводами о формировании среднего класса и богатстве возможностей для реализации его *стилизационного потенциала*.

Тенденция диверсификации и индивидуализации жизненных стилей и форм в российском контексте является, как нам кажется, частью, одной из сторон процесса маргинализации социальной структуры, который начался не в середине 1980-х годов XX века, а много раньше, и продолжается теперь в несколько изменившихся формах. Маргинализация, понимаемая как ослабление и разрушение классовых и культурных связей и идентификаций, как консервация переходного и пограничного состояний социальных субъектов, не является ценностно нейтральным термином, так как отражает заданность, несвободу действий индивида и социальное неблагополучие общества.

Дискуссия о наступлении постсовременности и постклассового общества, начатая на Западе, становится все более открытой и теперь получает развитие в России. Благодаря международному диалогу появилась возможность стать слышащими и услышанными, осуществлять совместный поиск адекватных научных стратегий. Не стоит преувеличивать "опасность" идейной "интервенции" и воспринимать тексты зарубежных авторов как готовый к употреблению импортный продукт, с рекламной настойчивостью рекомендуемый нам. Все чаще расходятся выводы и оценки российских специалистов, но не существует единомыслия и среди зарубежных коллег. Так, традиции классового анализа по-прежнему сильны в европейской социальной мысли.

Б.Тернер к месту отмечает, что фиксируемое сторонниками культурного анализа относительное уменьшение значимости экономических классов по сравнению со статусом не исключает того, что когда-нибудь в будущем классовая дифференциация вновь может стать существенным измерением или детерминантой стратификационной системы¹⁷. Для России подобная оговорка тем более уместна. Включившись в работу по уточнению содержания центральных категорий, по определению уместных смыслов и контекстов культурных практик, по критическому рассмотрению устоявшихся представлений и схем мышления, россияне смогут стать соавторами международного социологического дискурса.

Примечания:

- ¹ Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. № 5. 1994. С. 149.
- ² Там же. С. 150-152.
- ³ Featherstone, M. 'Lifestyle and Consumer Culture', in *Theory, Culture and Society*, vol. 4, 1987, p.55
- ⁴ ТиппегД *Status*, Open Univ. Press, 1988, pp.66-67
- ³ *Ibid*, p.69
- ⁶ Бурдые П. Социальное пространство и генезис "классов" // Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С.81.
- ⁷ Crompton, R., *Class and Stratification: An Introduction to Current Debates*, Polity Press, 1993, p. 173-174
- ⁸ Бурдые П. Указ. соч. С.69.
- ⁹ Стариков Е.Н. Социальная структура переходного общества (опыт инвентаризации) // Политические исследования. № 4. 1994. С.88.
- ¹⁰ См. доклад Л.Г.Ионины "Культура и социальная структура", сделанный в декабре 1995 г. на международном теоретическом семинаре "Современные социологические теории. Диалог между Россией и Западом". См.: Социологические исследования. №№2, 3. 1996.
- ¹¹ См.: там же.
- ¹² Ионин Л.Г. Культура на переломе (механизмы и направление культурного развития России)//Социологические исследования. №2.1995. С.41.
- ¹¹ См.: Ионин Л.Г. Культура и социальная структура...
- ¹⁴ См.: там же.
- ¹⁴ См.: там же.
- ¹⁶ Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. № 5. 1994. С. 151.
- ¹⁷ См.: Turner, B. *Status*, Open University Press, 1988.

Падерин В.К., Рахматулмт Э.С.

Социальная идентификация в период трансформации (на примере российской интеллигенции 1990-х годов)

В обстановке социальных модернизаций как никогда остро встает вопрос о роли различных общественных групп в социокультурном процессе. Одной из наиболее актуальных представляется проблема участия интеллигенции (или интеллектуалов) в трансформации общества, поскольку именно индивиды, идентифицирующие себя с этой общественной группой, во многом стоят у истоков реформ. Нередко, однако, перемены несут с собой утрату¹ специфических для ряда социальных институтов функций. Эта утрата оборачивается появлением у некоторой части населения убежденности в том, что произошло обесценивание ценностей, во имя которых и начинались реформы; что утрачен смысл существования данного индивида как представителя определенной социальной группы и т. д. Все это, однако, лишь частные проявления кризиса идентичности, наиболее ярко обнаруживающегося в среде интеллектуалов. Описанная ситуация возникала не раз в различных обществах, и Россия 1990-х годов в этом смысле не является исключением. Однако, говоря о кризисе идентичности в среде российских интеллектуалов, необходимо отметить, что в данном случае возникает целый ряд проблем, требующих теоретического осмысления. Важнейшими из них представляются следующие: как повлияли специфические особенности российской интеллигенции, во многом отличающейся от групп интеллектуалов в западных обществах, на ее самоопределение в ходе происходящих в российском обществе перемен; с чем идентифицирует себя российский интеллигент/интеллектуал и каковы перспективы складывания нового социального класса или группы интеллектуалов в России; как складываются взаимоотношения власти и интеллектуалов, учитывая традиционные для российской интеллигенции стремление быть в оппозиции к власти? Не претендуя на полноту освещения, попытаемся сформулировать варианты ответов на поставленные вопросы.

Человеку свойственны самые разнообразные потребности, к удовлетворению которых он стремится, совершая те или иные действия, вступая в разнообразные социальные связи, формальные и неформальные, непосредственные и опосредованные, горизонтальные и вертикальные. К включению в ту или иную систему социальных связей каждый относится избирательно, одним — отдает предпочтение, в другие — не вступает, третьи — игнорирует и т. д. Но как у индивида, так и у общности любого уровня имеется потребность в принадлежности к различным общественным группам: большим и малым, реальным и воображаемым, социостратификационным, профессиональным, этнонациональным и др. Причисление себя к различного рода общностям, отождествление себя с ними называется в социологии идентификацией или самоопределением. Идентификация несет большую смысловую нагрузку, так как, с одной стороны, помогает индивиду ориентироваться в сложной сети человеческих взаимоотношений, в социальном пространстве в целом, а с другой — чувствовать себя более уверенно и защищенно.

Времена модернизаций сопровождаются дестратификацией, социальным переструктурированием привычных социальных связей. Социальная структура современного российского общества представляет собой аморфное и размытое образование. Ветры перемен носят в социальном пространстве обломки прежних групп, образуя из них нечто промежуточное и нестабильное. Массовая маргинализация, обусловленная нисходящей социальной мобильностью, приводит к массовому вытеснению как отдельных индивидов, так и целых групп на "периферию", "обвал" многих из них на нижние этажи социальной структуры. Потерю индивидом своей принадлежности к определенной группе П.Сорокин образно называл падением с корабля, а массовый выброс людей из занимаемых ими социальных ниш сравнивал с погружением корабля вместе со всеми пассажирами, находящимися на его борту, или с кораблем, разбившимся на куски¹. В итоге население (в том числе и представители интеллигенции) — как балансирующее "на краю" производственного процесса (частично занятые), так и вообще в нем не участвующее (безработные) — теряет свои социальные функции и социальный статус, утрачивает свою объективную

принадлежность к конкретной общности без последующего вхождения в другие, а также попадает в ситуацию утраты возможности субъективной идентификации с той или иной группой, оказывается в состоянии кризиса самоопределения.

Трудности, связанные с попытками найти свою нишу в социальном пространстве, приспособиться к новым условиям существования, переживаются, как правило, очень тяжело и сопровождаются состоянием дискомфорта, эмоциональным перенапряжением, стрессами, фрустрацией и тревожностью. При анализе духовного мира человека в переходный период социологи не случайно выделяют фрустрированное, популистское, державное и другие типы сознания. Потеря объективной принадлежности к привычным общностям и субъективной идентификации с определенной группой сказываются и на социальных позициях людей, на особенностях их поведения. Проследим это на примере российской интеллигенции. Социальная модернизация и неизбежно сопровождающие ее преобразования, "ветры" и "вихри", вынесли одних ее представителей "наверх", других — отбросили на обочину общественной жизни (причем процесс этот приобрел столь массовый характер, что начал поражать ткань зарождающейся демократии и чреват массовым извержением недовольства), третьих переместили в другие социальные группы, в том числе криминальные (тем более, что для многих людей они ассоциируются с предпринимательством и демократией), четвертых опустили "на дно", превратили в люмпенов. Есть среди ее представителей такие, кто занимает в социальном пространстве "подвешенное" состояние и т. п. Все это приводит к отсутствию внутреннего единства в ее среде, различному пониманию экономических, политических и нравственных ориентиров. Таковы последствия социальной дезинтеграции и дифференциации, которые порождают различное понимание общих интересов и отношение к проводимым реформам. В этих условиях как никогда весомую роль начинают играть профессиональная, этническая принадлежность интеллигенции, ее социальное происхождение, а также то, каким путем те или иные ее представители попали в ряды данного социального слоя. Одно отношение прослеживается у тех, кто попал в ее ряды благодаря своим индивидуальным качествам, и другое — у тех, кто оказался в данной социальной группе за счет протекции или за счет своей принадлежности — классовой, этнической, клановой и прочей. По

данным социологических исследований прослеживается и различное отношение к целям преобразований, а также к средствам, которыми они осуществляются. Тут возможны следующие варианты (типология Р.Мертона): принятие и целей, и средств; принятие целей, но отрицание средств; отрицание целей, но принятие средств; и, наконец, отрицание и целей, и средств и замена их новыми, корректирование как курса реформ, так и методов их осуществления. Разумеется, перечисленными вариантами отношение к целям и средствам преобразований не исчерпывается, но они, как представляется, отражают его довольно полно. Рассматривая этот аспект проблемы, необходимо учитывать различные пропорции соотношения познавательной и чувственной доминанты у различных групп отечественной интеллигенции: у представителей технической интеллигенции оно одно, а у представителей творческой (ученых, писателей, художников, музыкантов) — другое. Не вызывает также сомнений и то, что соотношение между познанием и чувствованием в сознании отечественной интеллигенции несколько иное, чем у прагматически ориентированных западных интеллектуалов. Немаловажную роль здесь играет и стратегическая линия идентификации, а точнее, то, какую из этих линий выбирают те или иные представители интеллигенции. Здесь возможны следующие ориентиры: возрастной, профессиональный, материально-имущественный, этнический, политический и т. д. Немаловажно и то, с какими сообществами, направленными на социальное созидание или же криминальными, отождествляет себя человек (а также различные группы). Важно также, к сообществам какого масштаба идет самопричисление: к малым или большим, региональным или межрегиональным (например, к людям своей этнической группы, проживающим компактно на одной территории или разбросанными по всей планете; к проживающим в данной республике или к россиянам вообще). Одним словом, каково поле социальной идентификации? Следует также иметь в виду и направленность идентификации: в прошлое, настоящее или будущее. И в этом плане важно знать, какие механизмы самоопределения преобладают в данный момент: отождествление, уподобление или индивидуализация². Отождествление, как известно, закономерно и необходимо в детском и подростковом возрасте. Но в данном случае речь идет о самоопределении взрослых в обстановке социокультурной неопределенности. Как бы то ни было, идентификация через отождествление в

наибольшей степени характерна для тех периодов человеческой истории, при которых был силен мир условностей, традиций и ограничений, где индивидуальная свобода находилась в тесной зависимости от действующих норм, отступление от которых жестко каралось (это так называемая доистория, а также периоды правления антидемократических режимов). С переходом к истории ведущим механизмом самоопределения становится уподобление, идентификация по сходству. И, наконец, для Нового времени характерно самоопределение посредством индивидуализации, при котором идентификация происходит с теми общностями и сообществами, которые главной ценностью считают неповторимое бытие отдельного человека и его личную свободу. Доисторические и исторические механизмы идентификации не исчезают, они продолжают действовать и сегодня. Анализ особенностей самоопределения отечественной интеллигенции показывает, что доминирует уподобление. Есть и отождествление, и с большим трудом пробивает дорогу способ идентификации, при котором доминирует индивидуализация, а "Я" находится в центре этого процесса.

И, наконец, рассматривая вопрос о самоопределении современной российской интеллигенции — а это в конечном счете вопрос о ее участии в социокультурном процессе — нельзя не учитывать тот факт, что идентификация не только может быть ориентирована на общности прошлого³, настоящего и будущего, но быть позитивной (когда человек или общность идентифицируют себя с кем-то "часто" или "иногда") и негативной (когда общности с кем-то "практически никогда не чувствуется" или когда субъект социального действия "затрудняется" со своим самоопределением и не может ответить на вопросы "кто он?" и "с кем он?")⁴.

Кроме того, нельзя не принимать во внимание и того, что процесс идентификации по-разному происходит у интеллигенции старшего, среднего возраста и у представителей более молодой ее генерации. У первых и последних он осуществляется достаточно тяжело, а нередко и драматично.

Таким образом, интеллигенция в социальном плане представляет собой сегодня, образно говоря, дисперсную социальную группу со всеми вытекающими отсюда последствиями, проявляющимися прежде всего в занимаемых ее представителями позициях, поведении и действиях.

Разброс поведенческих стратегий российской интеллигенции довольно широк. В ее среде встречаются индивиды, действия которых аффективны по своему характеру, сделавшие своей "профессией" оплакивание общих бед, ситуацию "смыслоутраты" и т. д. Но, несомненно, преобладают те, кто ведет поиск рациональности, отвечающей современным требованиям. Это собственно и есть одна из важнейших социальных функций интеллигенции, ибо она "представляет собой тот элемент социокультурного процесса, который призван обеспечить его саморегуляцию, не только отразить действительность, но и вывести с уровня 'коллективного бессознательного' на уровень сознания, оформить в символах, знаках, слове представления о мере, норме, иерархии целей и ценностей национальной, социальной и культурной жизни⁵. Отсюда возникающие в среде интеллектуалов споры о том, какая рациональность нам необходима — западного, восточного типа или же представляющая собой синтез того и другого с учетом национально-традиционного, понимаемого, конечно, не в смысле искусственной реставрации патриархального. Вопросов очень много и вопросы сложные. Несомненно лишь то, что "импортные модели" для России неприемлемы, что нет одного, "единственно правильного" решения ее проблем, а есть ряд решений, определяемых культурой и историей народов, проживающих в России. Важно также оценивать способы интеграции в мировой социокультурный процесс. История убедительно показала несостоятельность взгляда на социальную модернизацию как на процесс вытеснения локальных типов традиции универсальными способами организации общественной жизни.

Не случайно многие представители интеллигенции принимают активное участие в решении общественно-политических проблем, в том числе путем вхождения во властные структуры. Но, так как некоторые занялись в общем несвойственным для них видом деятельности⁶, то для многих из них "хождение во власть", в решение чисто практических проблем, оказалось неудачным. Отсюда в массовом сознании мотивы отрицания у интеллигенции способностей к социальному созиданию и творчеству. С этим, конечно, нельзя согласиться, но нельзя отрицать и того, что повод общественному мнению для такого рода суждений некоторые интеллектуалы дали. О чем идет речь? В этом плане, безусловно, необходим разговор о мотивах "хождения во власть". В тоталитарный и авторитарный периоды истории россий-

ского общества только близость к властным структурам давала доступ к получению разного рода благ (материальных, должностных и других). Сказать, что такой традиции сегодня нет — это значит погрешить против истины. Именно линия поведения тех, кто "урвал" и "ушел" и льет воду на мельницу указанного стереотипа, утвердившегося в сознании общественности. Подпитывают такие оценки и некоторые общественно-психологические особенности интеллигенции, например, стремление осчастливить человечество надуманными схемами, внешне эффективными, но неработающими. К уходу представителей интеллигенции из властных структур нередко приводили и такие присущие ей черты, как излишняя критичность и привычка быть в "вечной оппозиции" к власти. Так, например, вхождение индивида "во власть" требует принятия им целей власти, а нередко и методов управления. В том случае, если для вновь пришедшего не приемлемы ни цели, ни методы, и, в добавление ко всему, он не может предложить ничего конструктивного в качестве альтернативы, то на его долю остается лишь "борьба". В этом случае интеллигенту неизбежно придется снять с себя властные полномочия. Однако, если "уход из власти" оставлен индивидом так, будто его "ушли", не приняв его способов реформирования, а тем более, если он становится в позу "невинно пострадавшего", то общественное мнение принимает сторону жертвы и клеймит тех, кто не понял, не принял, не оценил и тем не менее держится за власть, хотя и "не умеет". Собственно, осознание себя как жертвы обстоятельств (если это действительно так и есть на самом деле), с одной стороны, очень тяжело, а с другой — очень выгодно, ибо всегда есть возможность сказать, что кто-то помешал, не пустил и т. д.

Конечно, возможны "уходы" и по причинам непринятия жестких правил политической игры. Менталитет российского человека, в том числе и интеллигента, таков, что ему ближе лидер харизматический. И нередко человек идентифицирует себя не с группой, а с лидером (тенденция идентифицировать себя с лидером, а не с делом — это особенность бывшего советского человека, отчетливо прослеживаемая по материалам многочисленных социологических исследований), не принимая во внимание то, что политический лидер — это еще и его ближайшее окружение, команда, что существует большая разница между лидерством в малых группах и лидерством в общегосударственном масштабе. Последнее имеет характер опосредованный (через

средства массовой информации, окружение, организации, обслуживающие политический механизм), многоролевой (требующий учета и согласования ожиданий общественности, исполнительного аппарата, своей команды) и в большей или меньшей степени корпоративный (по А.Селигману). Бюрократические институты имеют довольно высокую степень самостоятельности и существенно влияют на лидера и принятие решений, а бывает определяют и "правила игры". Поэтому нередки случаи, когда блестящие "профессорские команды" уходят, не выдержав игры по этим правилам или не приняв их. Возможно самоустранение и по причине амбициозности.

Интеллигенция, как известно, это интеллектуальная совесть общества. Возможно, в этом кроется еще одна причина того, что какая-то ее часть чурается политики, полагая, что сегодня быть близко к политике опасно для репутации, так как коррупция становится не побочным продуктом, а чуть ли не детерминантой политического процесса. Взаимные претензии представителей властных структур — обвинения, заявления, требования — к сожалению, слились в одну большую незатухающую, всем уже надоевшую склоку. А на фоне недовольства экономическим положением даже не столько страны, сколько своим собственным, это способно инициировать глухой ропот сопротивления. Но в то же время, это не может служить основанием для того, чтобы уступать свою функцию общественного интеллекта аппаратчикам, которые, являясь инициаторами реформ, сами сформулировали их исходные принципы, во многом оказавшиеся несостоятельными. Указанная позиция также подпитывает миф о практически-созидательной импотенции интеллигенции. Ниже будет показано, что это далеко не так. Сейчас же продолжим рассмотрение возможных типов поведения ее представителей.

Есть сегодня в среде интеллигенции такие, кто предпочитает теоретической и практической деятельности уход в себя, в свой внутренний мир, в приватную жизнь, предпочитая отстранение, отрицая возможность социального реформирования, ссылаясь на то, что с XIV в. Россия пережила тринадцать реформ, и ни одна из них не увенчалась успехом, а также на "странную судьбу" реформаторов в России (включая Бориса Годунова, Сперанского и Столыпина). Наконец, в среде интеллигенции есть и потерянные, мечущиеся, деморализованные. Одним словом, современная российская интеллигенция испыты-

вает на себе последствия дестратификации, дезинтеграции, аномии, острейшей борьбы за организацию социального пространства, сопровождающих модернизацию современного российского общества, — она раздроблена и разобщена, вместе с другими социальными группами испытывая последствия кризиса идентичности. Но значит ли это, что она не в состоянии выполнять в полном объеме свои социокультурные функции? Есть все основания полагать, что интеллигенция, несмотря на все трудности, с которыми она сегодня сталкивается, свои социокультурные функции выполнит.

Как "мыслящий и чувствующий аппарат нации", интеллигенция является тем "компонентом социокультурного процесса, который призван обеспечить его самоорганизацию". В конечном итоге, процесс общественной самоорганизации осуществляется несмотря на то, что каждая микрогруппа интеллектуалов действует, казалось бы, спонтанно, на основе собственного понимания происходящего, целей и задач, стоящих перед обществом. Прежде всего роль интеллигенции проявляется в том, что именно в ее среде идет поиск рациональности, необходимой российскому обществу, отрабатываются и оцениваются различные варианты моделей, конструкций устройства общественной системы. Так не бывает, чтобы кто-то пришел и сказал, как нужно организовать систему социальных связей и отношений: экономических, политических, национальных и прочих, В спорах, дискуссиях осуществляется отбор "работающего" и "не работающего" на стабилизацию. Постепенно среди идей, конструкций выдвигаются своего рода "варианты-лидеры". Общественность, естественно, признает и их авторов — создателей, которые на шкале признания начинают занимать довольно высокое положение. Конечно, в процессе этой селекции не исключено или изменение самой шкалы ценностей, или перегруппировка ценностей, находящихся на ней.

Одна из особенностей психологии нашего народа — повышенное внимание не только к харизматическим политикам, но и к интеллектуалам. Миф о неспособности интеллигенции к социотворчеству (о котором говорилось выше) подпитывается этим обстоятельством, а отчасти и тем, что люди сегодня являются свидетелями поисков, неудач, ошибок, споров (переходящих подчас всякие этические границы). Творческая лаборатория этой социальной группы у масс "как на ладони". Отсюда разговоры о том, что интеллигенция "ничего не зна-

ет". "ничего не умеет", "ни на что не способна". И, казалось бы, разногласия, преобладание неиерархизированной многовариантности, "свара" в ее среде подтверждает это. Но указанное восприятие интеллигенции характерно лишь для обыденного сознания. В действительности именно в среде интеллектуалов идет напряженный поиск реальных возможностей синтеза, процесс постепенных качественных накоплений. Другого и быть не может, ибо при всех разногласиях во всех ее слоях нарастает осознание губительности длительного балансирования на грани социального хаоса и самоуничтожения. Мало кто не видит сегодня, что запас прочности страны — экономической, политической, социальной — израсходован и переизрасходован. Как мыслящий и чувствующий компонент нации, интеллигенция просто не может не понимать, что нельзя долгие годы путаться в деталях, никак не умея организовать свою сегодняшнюю жизнь и постоянно заглядывая в какие-то неведомые дали — в будущее и прошлые. Все социальные группы российского общества в полной мере испытали трудности жизни в стране, которая, постоянно мечется между прошлым и будущим, западным и традиционным. Раздвоенность самоопределения интеллигентского сознания достигла той "критической" точки, за которой осознается важность стратегии совмещения усилий. Абсолютное большинство в среде интеллигенции принадлежит тем, кто не приемлет ситуацию конфронтационного плюрализма, обстановки, при которой люди гибнут в бессмысленной борьбе за то, чей этнос важнее, древнее, в спорах о том, какой народ жил на той или иной территории в незапамятные времена.

Есть и другие каналы участия интеллигенции в социальном творчестве, а в конечном счете — и в процессе общественного саморегулирования. Как бы там ни было, влияния представителей данной социальной группы на различные секторы общественного мнения нельзя отрицать. Тем самым так или иначе "включаются" механизмы социального контроля, с помощью которых проверяется эффективность функционирования централизованных и децентрализованных механизмов принятия решений и проводимых преобразований с точки зрения общественных интересов. И, наконец, интеллигенция становится побудителем, стимулятором процессов социального саморегулирования путем воздействия на формирование состояний массового сознания, выполняя функцию "властителя дум".

Таким образом, можно с большой долей оптимизма оценить перспективы вклада отечественной интеллигенции в дело перехода от общества традиционного типа к обществу современному.

Примечания:

- ¹ См.: П.А.Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.374.
- ² См. подробнее: Алекс Сэндоу. Самоопределение как проблема всеобщей истории // Человек. 1993. №6. С.75.
- ³ Говоря о направленности идентификации индивида на общность прошлого, необходимо заметить, что в данном случае происходит отождествление скорее с символическими, нежели реальными общностями. История, как известно, — неважный источник аргументов, особенно когда речь идет о территориальном и национальном самоопределении. В силу того, что функция обеспечения организованности социальной памяти является одной из важнейших, этот вопрос заслуживает специального исследования.
- ⁴ См, подробнее: Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. №1. С.41-42.
- ⁵ Козлова О.Н. Интеллигенция в российском обществе // Социально-политический журнал. 1995. №1. С.169.
- ⁶ Более близка российской интеллигенции функция амортизации властного давления на народ, а для многих ее представителей было бы лучше заниматься своим делом, достигая высот совершенства в своей профессии, а не объяснять "неразумным людишкам" "что делать?", "кто виноват?" и "как реорганизовать и обустроить?", тем более, что народ нравочений не любит, а любит собеседников.

Ясавеев И.Г.

Конструирование социальных проблем как аспект модернизации

В исследовательской области, определяемой как "социология социальных проблем", предлагаются различные варианты ответа на вопрос о социальных проблемах в традиционном и современном обществах: (а) современное общество избавилось от большинства социальных проблем традиционного общества (эпидемии, голод и др.) и в целом порождает не столь многочисленные и не столь острые социальные проблемы (эта позиция соотносится с идеей необходимого и неизбежного социального прогресса); (б) современное общество порождает значительно большее число проблем, чем традиционное общество, при этом масштаб некоторых из них несоизмерим с масштабом проблем традиционного общества. Утверждается также, что основная трудность современных обществ, в отличие от традиционных, заключается не в недостатке решений социальных проблем, а в производстве "решений"¹.

Очевидно, что не имеет смысла продолжать этот ряд, не уточняя всякий раз, что понимается под социальной проблемой. Некоторый парадокс заключается в том, что каждый из этих вариантов является верным, поскольку всякий раз социальная проблема определяется различным образом.

В настоящей статье предпринимается попытка применить еще один подход в данной области исследования: *традиционное общество не сталкивается с социальными проблемами; последние свойственны исключительно современному обществу.*

Определив, какой смысл нами вкладывается в понятие социальной проблемы, мы попытаемся показать, что социальные проблемы в этом значении возникают лишь в процессе модернизации, то есть в ходе серии социальных изменений в том направлении, которое в нынешнем социологическом дискурсе принято обозначать термином 'modernity' ("современность", "Новое время").

Одно из критических замечаний в адрес социологии социальных проблем заключается в том, что исследователи, работающие в этой области, занимаются не столько социальной реальностью, сколько тем, как различные авторы определяют понятие социальной проблемы². Отдавая должное меткости этой критики, начнем, тем не менее, с определения понятия.

Наше определение социальной проблемы заключается не в предложении авторского варианта дефиниции, а в соотношении с определенной традицией в исследовании социальных проблем, а именно с традицией, основанной Р.Фуллером и Р.Маерсом* . Исходным допущением этой традиции, обозначаемой различным образом — как "субъективистская", "дефинициональная", "плебисцитарная" или "модель общественного мнения", — является утверждение, что *всякая социальная проблема состоит из объективного условия и субъективного определения*. Р.Фуллер и Р.Маерс поясняют эту формулировку следующим ставшим классическим афоризмом: "Социальные проблемы — это то, что люди считают социальными проблемами, и если условия не определяются как социальные проблемы людьми, которых они касаются, они не являются проблемами для этих людей..."⁴. Акцент, таким образом, делается на субъективном определении ситуации.

Исторической точности ради следует отметить, что эта традиция восходит еще к К.Кейсу⁵ и Л.Франку⁶ — Р.Фуллер и Р.Маерс разработали уже намеченные ими положения. Кроме этих исследователей, к субъективистской традиции в социологии социальных проблем могут быть отнесены У.Уоллер⁷, Г.Беккер⁸, Г.Блумер⁹, А.Мосс¹⁰, М.Спектор и Дж.Китсьюз¹¹ и др. Несмотря на то, что уже в рамках этой традиции существуют принципиальные разногласия и ведется полемика", наиболее общее определение понятия социальной проблемы в рамках

* Как отмечал К.Уэстхьюз, "в условиях такого разнообразия [подходов к социальным проблемам], возможно, мудрее выбирать, чем изобретать"³.

** В частности, М.Спектор и Дж.Китсьюз критикуют определение социальной проблемы как какой-либо ситуации или условия и использование при этом понятия "ценность" и предлагают определение социальной проблемы как *деятельности по выдвиганию утверждений-требований*,

этого подхода может быть следующим: *социальная проблема — предпологаемая ситуация, несовместимая с ценностями значительного числа индивидов, утврждающих, что необходимо действовать с целью ее изменения*¹².

Логическим завершением этой традиции может быть признан так называемый социальный конструкционизм — подход, разработанный М.Спектором и Дж.Китсьюзом. Социальные проблемы, с их точки зрения, конструируются теми, кто предлагает определения социальных проблем, при этом даже наличие самого объективного условия объявляется irrelevantным в отношении проводимого анализа¹³.

Противоположная — "объективистская" — традиция, охватывающая такие обычно выделяемые подходы, как подход социальной патологии, подход социальной дезорганизации и подход девиантного поведения, трактует социальную проблему почти исключительно как объективное условие вне зависимости от того, осознается это условие как проблема индивидами, которых оно касается, или нет. В рамках этой традиции термином "социальная проблема" обозначаются условия или поведение, которые препятствуют "нормальной" работе социального организма (функционированию социальной системы) или являются функцией социальной дезорганизации. В наиболее разработанном виде функциональный подход был представлен Р.Нисбетом и Р.Мертоном¹⁴ (социальные проблемы как дисфункции). Из более поздних работ в рамках объективистской традиции, критических уже в отношении функционализма, выделяются работы Дж.Мэннса и К.Уэстхьюза. Первый определял социальные проблемы как социальные условия, препятствующие человеческому благополучию (well-being)¹⁵, второй — как издержки (стоимость) удовлетворения потребностей индивидов какого-либо общества¹⁶.

В нашу задачу не входит критика объективистских подходов. Отметим лишь, что удивляет в этой традиции прежде всего отсутствие попыток разработать иное, отличное от "социальной проблемы" понятие. Полезным, на наш взгляд, было бы проведение различия между *потенциально проблемной ситуацией* и социальной проблемой — различия, подобного тому, которое проводилось отечественными авторами (Г.Соколова¹⁷ и др.). Хотя следует отметить, что социальная проблема понимается ими в ином от рассмотренных смысле — согласно существующей в отечественной социологии точке зрения, субъектом

определения проблемы является исследователь. При таком различии очевидно, что объективистский и субъективистский подходы имеют разные предметы исследования — условия социальной реальности в одном случае и субъективные конструкции в другом,

От традиционного общества к современному: от объективных условий без субъективного определения к социальным проблемам

Традиционное общество понимается нами как общество, рассматриваемое с точки зрения последовательности "традиционное-современное-постсовременное". В каком смысле традиционные общества не знают социальных проблем? *Несмотря на наличие объективных условий, приносящих страдания и беспокойство, эти условия не определяются в традиционных обществах как социальные проблемы, то есть как нежелательные ситуации, которые можно и необходимо изменить.*

Сходное положение было выдвинуто А.Грином. Он утверждал, что определенные условия объективной реальности не осознавались как социальные проблемы до конца XVIII столетия. Четыре идеи — идеи равенства, гуманизма, доброты человеческой природы и изменемости социальных условий — сделали это осознание возможным¹⁸.

Само понятие социальной проблемы появляется в английском и американском обществах XIX века вместе с попытками осмыслить социальные изменения, вызванные промышленной революцией. При этом социальные ситуации того времени стали восприниматься как социальные проблемы прежде всего реформаторами из среднего класса. Вдохновленные идеями Просвещения, они полагали, что прежние неизменные спутники человеческого существования — эпидемии, голод, высокая смертность, войны и другие "социальные проблемы" — могут быть устранены с помощью рационального анализа.

По словам П.Бергера, стремление решить социальные проблемы, озабоченность социальных работников, которые еще на заре промышленной революции столкнулись с такими явлениями, как рост городов, а вместе с ним и рост городских трущоб, массовые движения, разрушение традиционных жизненных укладов и, как следствие, размывание социальных ориентиров, стали одним из истоков социологической науки в целом¹⁹.

Пользуясь терминологией М.Спектора и Дж.Китсьюза, можно утверждать, что *реформаторы периода модернизации сконструировали социальные проблемы, то есть определили объективные условия как ситуации, которые следует изменить, и добились принятия этого определения значительной частью общества.*

В Америке понятие социальной проблемы стало использоваться в конце Гражданской войны, вызвавшей резкое ухудшение жизненных условий большей части населения, Значительную роль в организации ранних исследований социальных проблем и научно обоснованных попыток их решения сыграла Американская ассоциация социальной науки, созданная в 1865 году и имевшая своей конечной целью социальную реформу, а непосредственной — научное изучение социальных проблем. Вскоре после ряда расколов ассоциация распалась, оставив после себя наследие в виде курсов по социальным проблемам, которые стали неотъемлемой частью учебной программы многих американских университетов. Подходом, сформировавшим мышление первых американских исследователей социальных проблем, был подход социальной патологии (один из подходов, претендующих на объективность). В его основе лежит органическая аналогия, в соответствии с которой люди или ситуации являются социальными проблемами в той степени, в какой они препятствуют "нормальной" работе социального организма, при этом данные препятствия или помехи рассматриваются как форма болезни или патологии.

В Англии существенную роль в восприятии социальных ситуаций как социальных проблем сыграли различные статистические данные, появившиеся к концу девятнадцатого века. Сбор фактов многими статистическими организациями представлял собой отчасти хобби, отчасти бизнес, поскольку спрос на точную и современную рыночную информацию постоянно повышался. Эти обследования представляли также информацию об общих социальных условиях. Статистические описания бедности некоторых слоев британского населения производили подчас ошеломляющий эффект. Например, данные Роунтри, что треть рабочего населения Йорка находится в состоянии первичной (то есть физической или абсолютной) бедности (1901) не нуждались в дополнительных комментариях²⁰. Классическим образцом обследований подобного рода, положивших начало конструированию социальных проблем, является обследование Ч.Бута, результаты которого были

опубликованы в семнадцатитомнике "Жизнь и труд населения Лондона"¹¹.

Обозначив здесь один из основных интересующих нас вопросов — вопрос о том, всегда ли и в какой степени субъективные конструкции социальных проблем адекватны объективным условиям, попытаемся очертить с "конструкционистской" точки зрения ситуацию в российском обществе периода социальной трансформации конца 1980-х—1990-х годов.

Модернизация российского общества и социальные проблемы

В каком смысле процессы, происходящие в российском обществе, могут быть определены как процессы модернизации? Обоснованной представляется критика модернизационного подхода как подхода нормативного, заменяющего описание внутренних механизмов развития общества как сложной нестабильной системы интерпретацией развития как движения к какому-то образцу²². Однако, нас интересует не столько механизм социального изменения, сколько обозначение аналогии между ситуацией с конструированием социальных проблем в западных обществах периода перехода от традиционного типа общества к современному и сходной ситуацией в российском обществе конца 1980-х — начала 1990-х годов.

Социальные проблемы населения России сконструированы, главным образом, в период с 1989 по 1993 год в том же смысле, в каком мы говорим о конструировании социальных проблем реформаторами в западных обществах. Множество объективных условий, существовавших и до обозначенного периода быстрой социальной трансформации, стали восприниматься как социальные проблемы.

Так, среди социальных проблем, выделяемых по данным последних обследований общественного мнения, в числе десяти наиболее острых социальных проблем постоянно фигурирует проблема, обозначаемая как "коррупция". Очевидно, что далеко не недавнее объективное условие — коррупция как продажность должностных лиц, симбиоз государственного аппарата и криминальных структур — стало социальной проблемой лишь в последние восемь-девять лет.

Если говорить о преступности в целом, здесь, на первый взгляд, наблюдается соответствие объективного условия (резкий рост пре-

ступности) и субъективного определения. При всем недоверии социологов к официальной статистике ("темная цифра" по самым осторожным оценкам может превышать официальные данные правоохранительных органов более чем в два раза) она дает определенное представление о росте преступности в период с 1989 по 1993 год²³.

Субъективное определение: проблема "преступность — рост преступности" занимает устойчивое первое-второе место по данным обследований общественного мнения.

Однако те же обследования общественного мнения показывают, что ростом преступности больше других обеспокоены те, кто не относится к категориям населения, подвергающимся наибольшей опасности со стороны криминального мира (пенсионеры — 62%, люди с высшим образованием — 66%, служащие — 66%, жители областных центров — 67%)²⁴. Предположительно, именно эти категории наиболее подвержены воздействию средств массовой коммуникации, "конструирующих" данную социальную проблему²⁵.

Конструирование социальных проблем может носить как внеполитический (не преследующий политические цели), так и политический характер. Примером первого является конструирование проблемы наркомании в конце 1980-х годов в СССР. Непосредственными "конструкторами" проблемы в данном случае были не столько средства массовой коммуникации, сколько писатели, режиссеры и т. д. Примерами конструирования социальных проблем политического характера являются неудачная попытка сконструировать проблему угрозы фашизма в России, предпринятая после успеха ЛДПР на выборах в Государственную Думу в декабре 1993 года, более или менее удачные попытки конструирования проблемы ущемления национальных интересов, решаемой, как правило, выгодным для национальных бюрократий образом, недавнее конструирование проблемы терроризма, непосредственным образом связанное с войной в Чечне и т. д.

Следует отметить, что наряду с конструированием одних социальных проблем иногда наблюдается деконструкция других. Так, по мнению Л.Г.Ионина²⁶, социальное неравенство уже не является социальной проблемой в России. Изучение идеологического измерения конструирования и деконструкции социальных проблем, на наш взгляд, является одним из наиболее перспективных исследовательских направлений в рассматриваемой области.

Очевидно, что конструирование и деконструкция социальных проблем в большинстве случаев осуществляется теми, кто контролирует средства массовой коммуникации, то есть теми, кто обладает большей властью в политической и/или экономической сферах. Власть, таким образом, можно определить как возможность конструировать (или деконструировать) социальные проблемы и навязывать эти конструкции подчиненной части общества, извлекая определенные экономические и политические выгоды.

Расширение возможностей манипуляционного воздействия на население, не сопровождающееся гуманизацией политики (никаких признаков подобной гуманизации, по крайней мере в России, на наш взгляд, в настоящее время не наблюдается) и полной реализацией свободы средств массовой коммуникации, может привести к тому, что между навязываемыми населению конструкциями социальных проблем и реальными ситуациями, приносящими наибольшие страдания и беспокойство, будет наблюдаться все большее несоответствие. Такого рода ситуация была описана в ряде антиутопий, такой, например, как "1984" Дж.Оруэлла. Современное общество в данном случае может быть определено как общество субъективных определений (конструкций социальных проблем) без объективных условий.

Примечания:

- ¹ Rubington, E., Weinberg, M.S. *The Study of Social Problems*, 5th ed., New York/Oxford, Oxford University Press, 1995, p.3.
- ² Westhues, K. 'Social Problems as Systemic Costs', in *Social Problems*, 1973, Vol.20:4, p.420
- ³ Ibid, p.420.
- ⁴ Fuller, R.C., Myers, R.R., 'The Natural History of a Social Problem', in *American Sociological Review*, 1941, Vol.6, June, pp.320-321.
- ⁵ См.: Case, C.M. 'What is a Social Problem?', in *Journal of Applied Sociology*, 1924, Vol.8, pp.268-273.
- ⁶ См.: Frank, L.K. 'Social Problems', in *American Journal of Sociology*, 1925, Vol.30, January, pp. 463-473.
- ⁷ См.: Waller, W. 'Social Problems and the Mores', in *American Sociological Review*, 1936, Vol.1, December, pp.924-933.
- ⁸ См.: Becker, H.S. *Social Problems: A Modern Approach*, New York, John Wiley, 1966.
- ⁹ См.: Blumer, H. 'Social Problems as Collective Behavior', in *Social Problems*, 1971, Vol.18, Winter, pp.298-306.
- ¹⁰ См. Mauss A.L. *Social Problems as Social Movements*, Philadelphia: Lippincott, 1975.

- " См.: Spector, M., Kitsuse, J. K., *Constructing Social Problems*, New York: Aldine de Gruyter, 1987.
- ¹² Rubington, E., Weinberg, M. S. *Op. cit.*, p. 5
- ¹³ См.: Spector, M., Kitsuse, J. K., *Op. cit.*
- ¹⁴ См.: Merton, R. K., Nisbet, R. (eds) *Contemporary Social Problems*, 2nd ed., New York, Harcourt, Brace and World, 1966.
- ¹⁵ См.: Manis, J. G. *Analysing Social Problems*, Praeger, 1976.
- ¹⁶ См.: Westhues, K. *Op. cit.*
- ¹⁷ Соколова Г. Н. Проблемная ситуация // Социологический словарь. Минск, 1991. С. 190-191.
- ¹⁸ См.: Green, A. *Social Problems: Arena of Conflict*, New York, McGraw-Hill, 1975.
- ¹⁹ Бергер П. Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. М., 1996. С. 12.
- ^{^o} Цит. по: Manning, N. 'Constructing Social Problems', in Manning, N. (ed) *Social Problems and Welfare Ideology*, Gower, 1985, p. 3.
- ²¹ См.: Booth, C. *The Life and Labour of the People in London*, London, 1903.
- ²² Наумова Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 6-10.
- ²³ См.: Преступность: что мы знаем о ней. Милиция: что мы думаем о ней: Описание и результаты социологических исследований. Обнинск, 1994. С. 10, 12. По данным МВД в 1987 году в России было зарегистрировано 1185914 преступлений, в 1988 — 1220361, в 1989 — 1619181 (прирост к предыдущему году составил 32,7%), в 1990 — 1839451 (13,6%), в 1991 году — 2167964 (17,9%), в 1992 — 2760652 (27,3%), в 1993 — 2799614 (1,4%). Динамика убийств (включая покушения) как наименее латентных преступных деяний выглядит следующим образом: в 1987 году было зарегистрировано 9199 убийств и покушений на убийство, в 1988 — 10572 (прирост 14,9%), в 1989 — 13543 (28,1%), в 1990 — 15566 (19,9%), в 1991 — 16122 (3,6%), в 1992 — 23006 (42,7%), в 1993 — 29213 (27%).
- ²⁴ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения (Информационный бюллетень). 1995. № 2. С. 32.
- ²⁵ Одним из первых исследований конструирования проблемы преступности средствами массовой коммуникации является следующее исследование: Davis, F. James, 'Crime News in Colorado Newspapers', in *American Journal of Sociology*, 1952, Vol. 57, pp. 325-330. Дэвис показал, во-первых, отсутствие определенной связи между изменениями объемов криминальных новостей в газетах Колорадо и реальными изменениями уровня преступности в этом штате, во-вторых, тенденцию общественного мнения о преступности в Колорадо отражать изменения в освещении преступности газетами, а не реальную динамику преступности.
- ²⁶ См.: Ионин Л. Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. № 2, 3. 1996.